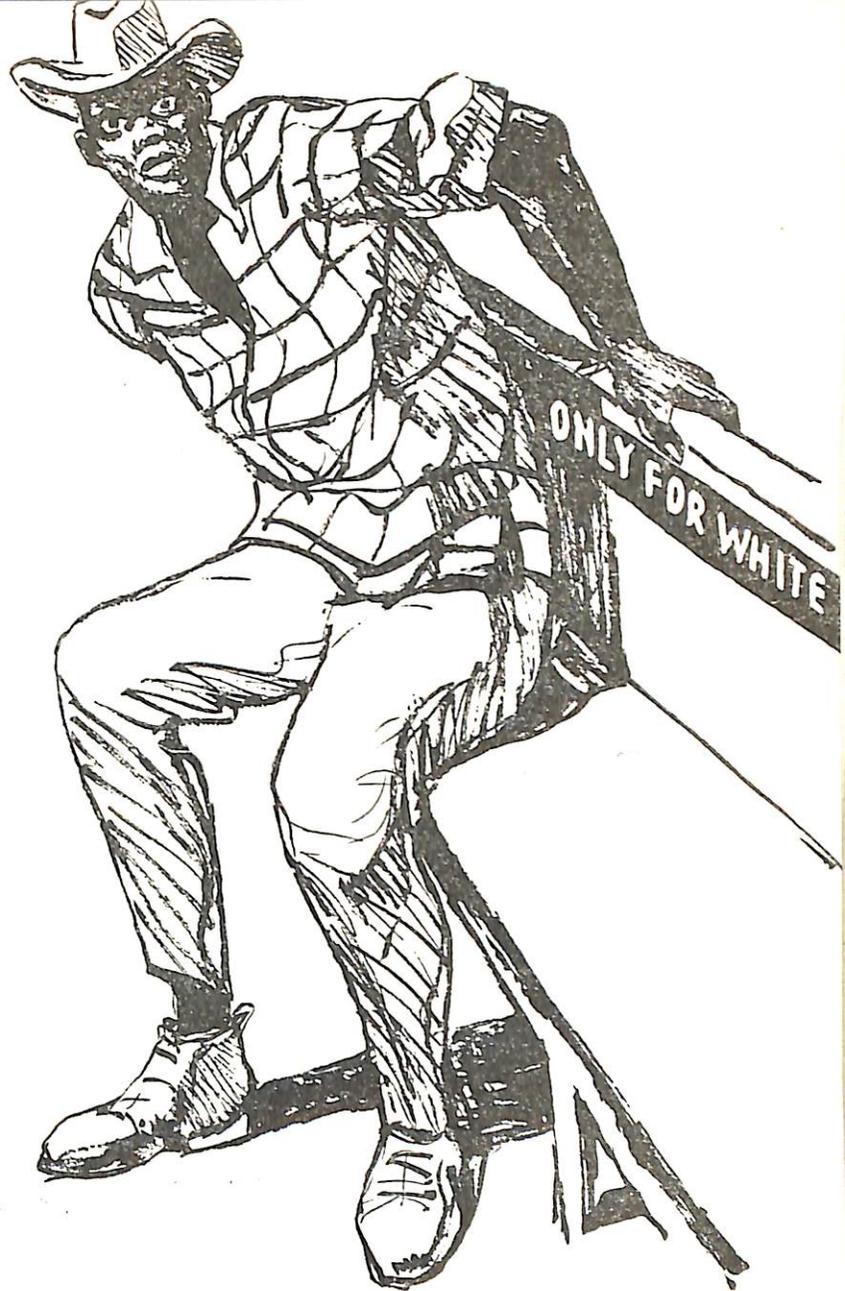

ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ

РАССКАЗ

РИЧАРД РАЙВ

Рисунок Е. Шукрава

Ричард Райв — молодой современный южноафриканский прозаик, пишущий на английском языке. Его рассказ «Только для белых», опубликованный в сборнике «Африканские песни», получил высокую оценку прогрессивной печати ЮАР.

МЫ ЖИВЕМ в обществе, в котором большая часть населения лишена основных жизненных прав, которое обрекает человека на положение низшего существа лишь потому, что он имел несчастье родиться черным, в обществе, которое держится только за счет массы черного пролетариата...

Карли жадно вслушивался в слова оратора, стараясь уловить их смысл. Какое-то подсознательное чувство говорило ему, что это были слова великие и правдивые, что бы они ни означали. Оратор на мгновение замолчал и отпил через соломинку немного воды из стакана. Октябрьское солнце не-

милосердно жгло улицы Кейптауна¹. Носовой платок Карли насквозь промок, едва он засунул его за воротник рубашки. Карли огляделся. Море лиц — черные, коричневые, несколько белых; среди них здесь и там рассыпаны красные шапочки малайцев. Около машины двое сыщиков строчат стенограмму. Оратор заговорил снова:

— Мы должны бросить вызов законодательству, которое умышленно обрекает человека на положение раба. Мы должны бросить вызов законам, разделяющим людей только на основании

¹ В южном полушарии октябрь — весенний месяц.

цвета кожи. Вашим детям отказывают в правах, которые принадлежат каждому человеку от рождения.

Никогда раньше Карли не приходилось слышать ничего подобного. Человек на трибуне был проповедником новой религии, гласившей, что у него есть определенные права и у его детей будут определенные права. Какие права? Жить, как белый человек? Жить, как старый Лэйтиган? Наплыв неожиданных мыслей, новых чувств ошеломил его.

Посидеть в хорошем ресторане... Пойти с Нелли в кино, где у входа стоит швейцар в красивой форме... Их дети посещают школу, где учителя одеты в мантии... Новый мир, страшный в своей необычности и в то же время соблазнительный. Что подумал бы обо всем этом Оу Клаас? Оу Клаас, который всегда утверждал, что бог создал белого человека отдельно от черного, что белый человек с самого начала был хозяином, а черный — слугой?

Погруженный в размышления, Карли хмурил брови. На возвышении возле оратора было много людей, как белых, так и черных. Белая женщина в голубом платье предложила Нксели, профсоюзному организатору, сигарету. Карли сразу захотелось курить, и он вытащил из кармана смятую пачку. Старый Лэйтиган упал бы в обморок, если бы Нксели предложил закурить его дочери. Он представил себе Оу Клааса, предлагающего сигарету Аннете Лэйтиган. Эта картина показалась ему настолько дикой, что он приснул со смеху. А ведь у Аннеты нет такого красивого платья — голубого, плотно облегающего тело, с шикарными белыми обшлагами. Если все, что говорил оратор, справедливо, он, Карли, не хуже любого человека. У него готовы были сорваться с губ слова: «Даже белого человека», но он тут же прикусил язык. А, впрочем, почему бы и не допустить такую мысль? Он вспомнил, что видел в газете портреты людей, осуждавших законы, которые они считали несправедливыми. Он заговорил об этом с Оу Клаасом, но тот пожал плечами. Люди в газете улыбались в то время, как их вели в тюрьму.

Оратор на трибуне продолжал речь, он говорил обдуманно, выбирая слова. «Этот человек, — думал Карли, — более велик, чем старый Лэйтиган и даже Домини...» А ведь Домини был белый.

Заговорила женщина в голубом. Белая женщина в голубом платье с чудесными белыми обшлагами. Она говорила, что они должны бросить вызов всем законам, которые утверждают, что один человек ниже другого. «Садитесь в любой вагон, — говорила она, — входите в любой ресторан». Сыщики делали заметки. Зачем ей-то об этом думать? Она могла войти в лучшее кино. Купаться на лучшем пляже. Жить в прекрасном доме. Она была гораздо красивее, чем Аннета Лэйтиган, и ее волосы блестели на солнце.

Леди сказала, что он должен бросить вызов... В его голове вдруг стало складываться страшное решение, настолько страшное, что он вначале отбросил его, как совершенно невозможное. Но по мере того как леди говорила дальше, в нем росла решимость. Да, он, Карли, бросит вызов. Уж он удивит старого Лэйтигана, и Аннеты, и Нелли! И он улынулся, как те люди на странице газеты.

Митинг уже подходил к концу, когда Карли стал выбираться из толпы. Слова, которые он здесь услышал, еще перерабатывались в его мозгу, смутно, постепенно приобретая значение. Взвизгнула резко затормозившая машина. Карли отскочил, испуганный и дрожащий. Из окна машины глянуло сердитое белое лицо. «Смотри, куда идешь, черный ублюдок!» Карли молчал, слишком ошеломленный и оглушенный, чтобы отвечать. Конечно, этот человек не видел, как белая женщина предложила Нксели папиросу. Это сбивало с толку. Лучше поразмыслить обо всем на досуге.

Он оглядел станцию затуманенным взглядом новообращенного. Множество людей, много белых, меньше черных и совсем мало коричневых. И все настороженно оглядывали друг друга. Один презирал другого. Каждый, точно заколдованный, шел своей узкой дорогой.

«Этому порядку вещей нужно бросить вызов, — сказал оратор. — Каждый должен сделать это по-своему, найти свою возможность». Но как по-своему? Как бросить вызов? Что значит — бросить вызов? И вдруг он понял. Вот его возможность. Скамья. Железнодорожная скамья, на которой четкими буквами выведена надпись: «Только для белых». Сейчас она была воплощением всей системы, препятствием между ним и его правами. Если он сядет на нее — он человек. Если побоится — значит, он сам отрицает свое право называться человеком.

Он казался совершенно спокойным, когда сел на скамью, но его сердце бешено колотилось. Две противоречивые мысли завладели его умом. Одна внушала: «Ты не имеешь права садиться». Другая спрашивала: «А почему не имеешь права?» Первый голос говорил о прошлом, о жизни на ферме, о согбенной фигуре его отца, державшегося так приниженно, и об отце его отца, которые родились, жили и кончили свое существование, как выючные животные. Другой голос говорил о будущем: «Карли, ты — человек. Ты осмелился сделать то, на что никогда не осмелился бы твой отец. Всю остальную жизнь ты проживешь, как человек». Карли вынул папиросу и закурил. Никто, казалось, не обратил на него внимания. Никто не крикнул: «Карли, ты победил!» Он был совершенно нормальным человеческим существом, сидевшим на людной станции и курившим папиросу. Итак, он победил? Доказал, и курившим папиросу. Итак, он победил? Доказал, что он — нормальное человеческое существо?

По платформе шла хорошо одетая белая женщина. Не собирается ли она сесть на скамью? И тогда тот же вкрадливый голос приказал: «Ты встанешь, чтобы этой белой женщине не пришлось сидеть рядом с тобой». Глаза Карли сузились, и он еще глубже затянулся папиросой. Дама прошла мимо, даже не поведя бровью. Карли почувствовал вдруг, что он очень устал. И еще одно сомнение закралось ему в душу: «Ты сидишь здесь не ради вызова. Ты сидишь, потому что ты устал,— вот почему ты сидишь».

Из остановившегося у платформы поезда хлынул поток людей. В этот поезд он мог бы сесть. Легче всего было бы сесть в поезд и уехать. Подальше от вызовов и от скамей, на которых тебе нельзя сидеть. Но это означало бы признать себя побежденным, отказаться от своих прав. Он сидел, неторопливо покуривая папиросу, и его мысли блуждали далеко от митинга и от скамьи. Он вспоминал время, когда он делился с Оу Клаасом своими мечтами... Сияющие огни Кейптауна. Прекрасные коричневые девушки. Оу Клаас лукаво поглядывал на него, посасывая трубку. Оу Клаас был мудр, потому что прожил долгую жизнь. Он всегда говорил, что нужно учиться, путешествуя. Он бывал в Кейптауне. Он шуточно отплевывался, рассказывая ему о девушках Шестого квартала². Коричневые. Оливковые. Малайские девушки. Оу Клаас знал все. Он говорил: «Бог создал нас белыми или черными, и мы должны знать свое место».

— Проваливай отсюда!

Карли не сразу обратил внимание на грубый голос. Оу Клаас, будь он еще жив, сидел бы сейчас за кружкой дешевого вина...

— Тебе говорят, убирайся со скамьи.

Карли вернулся к действительности. Невольно он сделал движение, чтобы встать, и вдруг спохватился. Он вспомнил, кто он и почему он здесь сидит. Он медленно поднял голову и взгляделся в налитое кровью злобное лицо.

— Встань! — хлестнуло его приказание.

Карли смотрел, не отвечая ни слова. Свирепые острые серые глаза сверлили его.

— Ты что — оглох, черная свинья?

Медленно, умышленно медленно Карли выпускал кольца дыма. Это было испытанием. Они смотрели друг на друга, как боксеры, примериваясь друг к другу и не решаясь нанести первый удар.

— Ну погоди, сейчас я позову полицейского!

Карли хранил упорное молчание. Сказать что-нибудь, хоть слово, — значило бы утратить завоеванное, как он чувствовал, преимущество.

— Погоди, я сейчас позову полицейского. Почему ты не раскрываешь рта, когда с тобой говорит белый человек?

Карли тотчас заметил слабость противника. Белый юнец опасался напасть первым. Он, Карли, выиграл первый раунд в борьбе за скамью.

Вокруг начала собираться толпа. Все смотрели на необычайное зрелище: черный человек сидел на скамье, предназначенной для белых. Карли спокойно попыхивал папиросой.

— Взгляните на эту черную обезьяну! Вот что получается, когда им делают поблажки!

— Ничего не понимаю: ведь у них есть свои скамьи.

— Благослови тебя бог! Не вставай. Ты имеешь такое же право сидеть здесь, как любой из нас.

— Не вижу, почему бы им не сидеть там, где им нравится.

— Не доверяйте никому из этих дикарей. У меня был слуга-туземец — предерзкий.

Карли сидел и не слышал ничего. Нерешительность сменилась решимостью. Ни в коем случае он не встанет. Они могут делать все, что угодно.

— Это и есть тот парень, да? А ну-ка вставай! Ты неграмотный, что ли? — Над ним высился полицейский.

— Твое имя и адрес! Да поживей!

Карли хранил упорное молчание. Для полисмена это оказалось несколько неожиданным. Толпа росла с каждой минутой.

— Вы не имеете права разговаривать с этим человеком таким тоном! — Леди в голубом платье.

— Занимайтесь своим собственным делом! Если понадобится ваша помощь, вас попросят... Вот из-за таких, как вы, кафры посягают на белых женщин... Вставай, ты!..

— Я требую, чтобы вы обращались с ним с надлежащей вежливостью!

Полисмен побагровел, как свекла.

— Это... это!.. — Он не находил слов.

— Дайте пинка готтентоту, если он сам не хочет встать! — крикнул белый юнец, ухватив Карли за плечо.

— Вставай, ты, проклятый ублюдок!

Карли сопротивлялся. Он вцепился в скамью, свою скамью. Теперь многие старались его оторвать. Он отчаянно сопротивлялся и вдруг ощутил тупую боль — кто-то ударил его кулаком в глаз, лицо залилось кровью. Он продолжал бороться. Полицейский защелкнул наручники вокруг его запястий и потащил его сквозь толпу. Карли боролся. На него сыпались удары. Внезапно он обмяк. Сопротивляться дальше было бесполезно. Теперь пришла его очередь улыбаться. Он бросил вызов и чувствовал, что он победил. И в первый раз за это время он взглянул в лицо полицейскому гордо, как человек, осмелившийся сесть на скамью «ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ».

Перевел с английского
М. Гордон

² Шестой квартал — гетто для «цветного населения» в Кейптауне.